

Письма сыну

В «Молодой гвардии» готовится к изданию книга, которая уж точно на прилавках не залежится. Хотя бы потому, что ее автор добрый знакомый всех больших и маленьких — Евгений Павлович Леонов, народный артист СССР.

Называется книга «Письма сыну». Но это не только «сыну» и не только «о себе». «Письма...» — тот случай, когда кровно личное, очень важное для одного — важно для всех, значимо для каждого. Сейчас Евгений Леонов и Андрей Леонов — коллеги, работают на одной сцене — театра имени Ленинского комсомола. А письма писались, когда сын ходил в школу, служил в армии, был студентом...

Андрюшенька, только отложил телефонную трубку, и сразу захотелось еще что-то сказать. Глянул на часы — полночь. И вот пишу. Однако ты хорош, сыночек, специально, что ли, ждал, пока уеду, чтобы по телефону сказать о своем решении поступать в театральное, — то ли шутка, то ли слишком серьезно...

Радуюсь ли я, что ты хочешь стать актером? Радуюсь, это укрепляет наше родство, ибо нет ничего выше духовного братства. Но сказать по совести, это меня и пугает, — труден актерский путь. Мое упущение, ошибка, что моих трудностей ты не знал. А ведь есть только одна цена в искусстве — беспощадность к себе. Создаем, уничтожая себя, или создаем себя, но тогда не создаем ничего вокруг. Ах, сынок, я в смятении. Я подумаю. Я напишу тебе.

Отец.

Как же это все началось у меня? Трудно даже вспомнить, Андрей.

Когда-то давно, это было в пятом классе школы, у нас существовал драматический кружок, и я там однажды сыграл водевил, который, кажется, мы

сами сочинили. Учительница и мои товарищи говорили, что я был смешной, вроде бы ничего не делаю, а смешной, физиономия, гримасы смешные. Может, это во мне зародило что-то, что потом теребило мою душу... Однажды — это было во время войны и мне было 14—15 лет, я работал на заводе учеником токаря, — я пошел разыскивать театральную студию. Я стеснялся спросить, разыскивал сам и в конце концов на Самотечной площади нашел вывеску: Управление искусств, но оказалось, что я попал в отдел книгоиздательства. Представь: война, заснеженная немногочисленная Москва, голодное время, эвакуированные заводы...

В 43-м году мне было 16 лет, я выполнял план, и несколько молодых рабочих, в том числе и меня, послали в техникум. Я сдал экзамены и поступил учиться в авиационный техникум. Именно там я подготовил «В купальне» Чехова, выучил и рассказывал «Монтера» Зоценко, очень любил Блока, Есенина, читал их наизусть на вечерах, и меня называли, как когда-то в школе, «наш артист». Я рассказывал об этом дяде, заходя к нему в Комитет по делам искусств. Однажды он попросил меня почитать, и я стал читать «Стихи о советском паспорте». Когда я сказал: «Я волком бы выгрыз бюрократизм», дядя чуть не упал со стула. Я мужественно дочитал до конца. Он хохотал и сказал: «Женя, это очень плохо, очень. У тебя культуры маловато, надо учиться, по театрам ходить». Но тем не менее, меня это не останавливало, и я на третьем курсе техникума пошел в Московскую драматическую студию. Я попросил у брата пиджак и решил, что готов к экзамену. Я безумно нервничал — я понимал свою несостоятельность, но не думал, что так получится. Сидело человек 25 народу, я вышел и прочитал все, что с таким успехом читал в техникуме: Чехова, Зо-

ценко. У меня спросили: «Еще что-нибудь есть?». Я сказал: «Есть, но это еще хуже». Почему-то все стали просить, чтобы я почитал еще. Я прочитал Блока «В ресторане». Я любил это стихотворение — мне казалось, что сидит одинокий, седой, красивый-красивый мужчина где-то в ресторане и говорит: никогда не забуду, он был или не был... Это стихотворение Блока спасло меня, примирило и с моим пиджаком, и с моей курносой физиономией, и с недостатком культуры. И меня приняли в студию.

Началась учеба, я пропал в студии с восьми утра до часу ночи. К нам пришел А. А. Гончаров, он стал вести наш курс. Занятия с Гончаровым были такие напряженные,

О жизни и искусстве, о становлении характера и нравственной позиции человека размышляет актер Евгений Леонов

насыщенные, мне все сразу стало казаться очень серьезным и безумно трудным. Так и вошло в мою жизнь искусство как вечный экзамен...

Отец.

Эх, Андрей, Андрей!

Все звучит у меня в ушах твой голос и страх, который ты и обнаружил боишься и преодолеть не можешь. В училище-то пойти можно. Но, пойми ты, никто не может сказать с уверенностью, хватит ли у тебя сил взять эту высоту. Но сил не хватает — это одно, а слабость другое...

Однажды, это было очень давно (я только начал заниматься в театральном училище, все мне нравилось, я тогда был счастливым), произошла такая встреча. Я думаю, что это был новогодний праздник: мы посидели, и смеялись, и веселились, потом мы пошли по улице, Лева Горелик и я, мы с ним дружили тогда. Идем, разговариваем. И возле Большого театра — какие-то парни, не очень трезвые... Один подошел, попросил закурить, посмотрел на меня пьяными глазами и сказал: «Пиджачок на тебе перевернутый». Это действительно был пиджак, перешитый с брата на меня. Потом он размахнулся и ударил меня по щеке. Я хотел его тут же убить и вдруг остановился... Я даже сам не знаю, это называется страхом, бессилием или беспомощностью. Этот случай я вспоминаю всю свою сознательную жизнь и думаю: почему я его не ударил? Я все подробно помню и сейчас немножко краснею, вспоминая это...

Сердце замирает не только тогда, когда тебя ударят, а ты не ответишь, сердце замирает, когда вдруг чувствуешь, что ты не можешь чего-то сделать. Часто в моей жизни бывает и сейчас, когда заходит сердце от страха, что не сумеешь этого сделать, сыграть...

Страх — это еще не слабость. Вот если страх заставляет тебя

отступить, если ты бережешь свои силы и в результате уменьшаешься сам — это слабость.

Прыгай же! Сняк до свадьбы заживет.

Отец.

Может, тебе моя жизнь в театре представляется каким-то восхождением. Со стороны многим кажется: вот счастливчик, который постепенно, но все время вперед шел, поднимался. Ты знаешь, у меня есть такие «санитарные дни», живу, живу, а потом начинаю думать: что же я сыграл? И что это для меня? А не похожие ли это роли? Иной раз не могу понять — хорошо что-то или не так хорошо...

В течение скольких лет я, кроме массовок, ничего не играл.

А потом пришел Яншин, и при нем я первые годы тоже ничего толком не играл. У меня стало появляться сомнение: правильно ли я сделал, что пошел в искусство... Можно сказать, я был готов отступить, почти отступил... Что значит отступил? Это когда человек не использует свои силы до последнего.

Вот ты говоришь мне, не знаю, хватит ли сил, получится ли вообще... Голос твой мне не нравится. Ты что, неудачи боишься? А я, по-твоему, не боюсь? Искусство — риск, для народного артиста и для тебя, делающего первые шаги, искусство — риск. Если ты надеешься без синяков и шишек прожить, оставь это дело, не начиная.

Ты записался в секцию по фехтованию, теперь я понял, что неспроста. Молодец, очень пригодится — гибкость, ловкость, красота движения — азбука ремесла. Но всего важнее, Андрюша, подготовить свой дух. Как к полету в космос — готов на все!

А-у. Слышишь меня?

Отец.

Что это ты об одиночестве заговорил? Ты не волнуйся, у ме-

ня тут работы — не продохнуть. Это я так философствую.

Когда я говорю — одиночество, я имею в виду, что я что-то делал, а меня не понимают, тогда я одинок. А потом мне казалось, что я вырос на серии обид каких-то. Так мне казалось. Вроде бы все нормально, а у меня такое ощущение есть: была обида — я ее проглотил, была обида — я ее съел. От того же Яншина сколько обид я съел, а теперь, когда стал постарше, я понимаю, что эта обида сделала меня актером. Может быть, я не так называю это слово — обида, но тем не менее тогда было обидно; я тянулся к нему, а он говорил, что я задницей кручу в Лариосике, или еще что-то...

Понятие одиночества — сложное.

Ты, помню, мне однажды одиноким показался. Лето было, Ванда отдыхала где-то, ты, Андрюшка, маленький был, у бабушки оставался в Давыдовке, а у меня гастроли в Горьком. Вызывают меня на съемки в Ленинград на один день. Снимаюсь, получаю билет на самолет до Москвы и вижу, остается немножко времени до отхода поезда из Москвы в Горький, могу успеть к тебе. Накупил игрушек, какую-то грузовую машину огромную. С самолета бегом, схватил попутную машину, еду, открываю калитку, никого не видно, вхожу в дом — стоит мой пацан, маленький такой, что-то возит. Я говорю: «Сынок!» (Все проходит в спешке — не опоздать бы на поезд). А ты остановился, посмотрел на меня и продолжал заниматься своим делом. Мне не то что обидно было, что ты отвернулся, не узнал, но мне показалось, что ты одинокий какой-то. Я был всего пятнадцать минут, поцеловал тебя и маму — и в путь. Шел дождь.

Я вышел, темно. Думаю: «Я срываю спектакль в Горьком, не успеваю». Я голосую — никто не сажает. А потом едет «Победа», она остановилась. Едем,

едем — я чувствую, не успеваю, срываю спектакль, а я в жизни никогда этого не делал, из-за меня не отменяли спектакли (болел я, с воспалением легких играл, падал на сцене, камфору вкалывали на спектакле).

Домчались мы. И вот я в поезде всю ночь почти стоял у окна, и виделась мне маленькая одинокая фигурка. Так что, дружок, если ты тогда одиночества не ощутил, я его за тебя хватил сполна.

Андрей, я надеюсь, ты не очень огорчишь меня своими школьными успехами, а то мама говорит, что ты собираешься свою актерскую судьбу без математики вычислить. Ведь новый год идет! Я-то думаю о подарках для тебя, а ты?

Скучаю очень.

Отец.

Андрей, обещаю тебе написать о трюковой комедии, об эксцентрике и сразу подумал, что как-то неловко, неточно в прошлый раз сказал: меня, мол, мало занимает эта беготня по экранам. Пустая комедия положений — нет, не интересуется, но эксцентрично может быть поведение персонажа, эксцентричным может быть взгляд на вещи, на обстоятельства — разве это неинтересно? Трюк трюку рознь, тем более

в кино. Режиссеры всего мира, например, изучали технику трюка у Чаплина, даже те, кто никогда в своем творчестве не обращался к трюку, чтобы понять его эстетические качества. Ты замечал, наверное, что фильмы Чаплина можно смотреть по несколько раз и даже подряд, но удовольствие не уменьшается. Как взрослый и сознательный зритель скажу, что удовольствие не только не уменьшается, но возрастает. А дело в том (только это не я сам догадался, это у французского критика Андре Базена), что «удивление зрителя, эффект неожиданности при повторных просмотрах уступает ме-

сто более тонкому наслаждению, состоящему в ожидании и узнавании совершенства». Вот тебе и трюк! Совершенство.

Остерегись высокомерия и чистоплюйства, нет искусства высшего и низкого, есть мысли большие и мелкие, и авторы — Поэты и карлики. А искусство всего лишь средство для каждого из нас обнаружить свой истинный рост.

Отец.

Андрей,

выжигать по дереву шаржи — это что-то новенькое, но если тебе работа нравится, и уж если подарил сам художник, повесть, конечно, на стенку — пусть все смеются.

Мне всегда доставалось от актерской братии и от художников особенно — ничего не скажешь, подходящий случай для карикатуры: нарисовал шар или колобок, посередине нос картошкой и брови лохматые — кто такой? — Леонов.

Кстати, о «портретах». Ленинградский художник Михаил Беломлинский на днях подарил мне книжку английского писателя Джона Толкина, которую иллюстрировал. Оказывается, он изобразил героя сказочной повести Бильбо Хоббита очень похожим на меня...

«...У хоббитов толстенькое брюшко, одеваются они ярко, башмаков не носят, потому что на ногах у них от природы жесткие кожаные подошвы и густой теплый бурый мех, как и на голове, только на голове он курчавится. У хоббитов длинные темные пальцы на руках, добродушные лица, смеются они густым утробным смехом, особенно после обеда, а обедают они, как правило, дважды в день, если получится».

Копия, не правда ли?

Книжку привезу, сказка мудрая и очаровательная, рисунки тоже.

Обнимаю Отец.